

Алморраг

В. С. Л.

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

17

**Вологда
2002**

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
О политике Ватикана	3
СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ	5
Н. Бушнев, Т. Хрынова и др.	5
В МИРЕ РУБЦОВА	10
«Истоки» в творчестве Рубцова	10
Автограф	13
В. Шагинов	14
В. Соколов	14
ИЗБРАННОЕ	17
В. Серков	17
Н. Шилова	18
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	20
Жжснв обвиняет	21
Татьяна Петухова	22
Книжная полка	24
КОРОТКАЯ ПРОЗА	24
Ю. Максин	25
В. Белков (начало романа)	28
ГРАФИКА	36
Памяти А. Аверкиевой	37
Виктор Кунташев	39

ПРЕДИСЛОВИЕ

О ПОЛИТИКЕ ВАТИКАНА

Решение Папы Римского Иоанна Павла II от 11 февраля 2002 года, объявившего о повышении статуса административных структур Римско-католической церкви на территории России до уровня епархий, можно характеризовать отныне, в соответствии с документами Ватикана, как экспансию на территорию нашей страны, которая именуется «церковной провинцией».

Не менее оскорбительным можно считать и комментарий на Заявление Патриарха Московского и всея Руси Алексия II со стороны официального Ватикана и либеральной интеллигенции Запада и России, что-де болезненная реакция Русской Православной церкви есть не что иное, как личные амбиции ...

Шаг, сделанный Ватиканом, мы рассматриваем как враждебный вызов не только в отношении к Православию, но всему русскому и другим народам, искони исповедующим православную веру, данную нашими предками, по заветам которых строилось Российское государство в течение многих столетий.

*В. Белков, А. Цыганов, В. Плотников, Ю. Максин, Ю. Малоземов,
А. Смолин, В. Попова, Т. Кириллова*

МНЕНИЯ:

«Мы в самом деле имеем беспрецедентный случай перехода великого народа на нелегальное положение в собственной стране.»

А. С. Панарин, МГУ

Стихи последних лет

Любовь КОВАЛЕВА

* * *

Смеётся мне и плачется,
И пишется легко.
Судьбы кручёной ткачество
Ценю я высоко.

Мне боль и счастье матери
И чувственную плоть,
Врагов, друзей-приятелей —
Всё ниспослал Господь.

Чтоб хрупкой мне, но жилистой
Хотя б к концу пути
По тропочке извиистой
Очищенной прийти.

г. Череповец

Юрий МАКСИН

Пьяный ветер горячей весны
или рано влетевшее лето
обманули черёмуху цветом
и не ведают в этом вины.

Но природа не любит
поспешеств,
ей излишества тоже во вред.
И скворцы из уютных скворешен
наблюдают, как сыплется цвет.

Это сиверко, строгий наставник,
наказал за ненужную прыть.

Я хотел распахнуть свои ставни.
Может, правда, не стоит
спешить?..

Николай БУШЕНЕВ

* * *

Сгустился сумрак за окном,
зажглась дрожащая звезда.
Забудусь мрачным, тихим сном,
И не проснусь уж никогда.

Я буду спать во тьме веков,
и до меня не долетит
весёлый хохот дураков,
кто, духом нищенствуя, сыт.

* * *

Что случится? Что может
случиться?

Крепко спишь ты — стучи
не стучи.

Ураганное время промчится
над стоячим болотом души.

Ураганно-поганое время.
Нет, скорее безвременье, но
коль не спал бы ты,
«ангел смиренья»,
может, сгинули б бесы давно.

1993

Татьяна ХРЫНОВА

* * *

Я поеду в Вологду,
Словно на свидание.
Похожу по городу,
Затаив дыхание.
Улицы знакомые,
Здания старинные,
Церкви невесомые
И мосты недлинные.
Древнее и новое
Слитое перезвонами.
Небо родниковое,
Улицы под кронами.
Вологда — умелица,
Севера красавица.
Куполами светится.
Кружевами славится.

Татьяна СМИРНОВА

* * *

Памяти А. Башлачева

А жизнь быстрее карусели...
И в стоне дребезжащих струн
Он плыл в потоке впечатлений
От сладостных и горьких дум.
Струна напевами сзывала.
И в голосе ее слились
И радость светлого начала,
И боль ожесточенных лиц.
Струна то нежно нам шептала,

То в крик срывался ее зов,
И вызов дерзостно бросала
Засилью будничных оков.
Она вела сквозь все земное:
Сквозь боль и радость,
гордость слов...
Он пел нам о великом Горе,
Вводя в страну прекрасных снов.
И голос вновь срывался Болью,
Что распирала изнутри...
Но за Слова воздали Солью...
Он же платил остатком сил.

Ирина ГОРШКОВА

У МИРОВОГО АЛТАРЯ

Лежу на мраморных ступенях
У мирового алтаря.
Играет солнце на коленях
Прозрачной желтью янтара.

Алмазной пылью пар вздыхает
Под грудой льда воздушных
струй,

И на губах изнемогает
Бездонный лилий поцелуй.

Покой сметая, сон тревожа,
Прозрачной росписью росы
Сверкает утро у подножья
Лилово-горной полосы.

Уходит вдох на дно Вселенной,
И разливаются моря —
Я поднимаюсь по ступеням
К святому сердцу Алтаря.

Николай ФОМИНСКИЙ

НАД СУХОНСКОЙ КРУЧЕЙ

Тропа петляет над обрывом...
Внизу река —
Рябит под солнышком игриво
От ветра.

Иное мироощущенье
От высоты,
И в сердце нежное томленье
От красоты.

Здесь глубь на восемьдесят метров,
Нет спусков вниз,
И наверху на километры
Навис карниз.

Кто высоты не переносит —
Уже раскис...
Так пусть душа полета просит —
Вот мой девиз.

г. В. Устюг

Сергей ПАРАМОНОВ

* * *

От юности день остается всего,
От детства лишь миг —
ощущенье того,

Что там ты был счастлив
и жил без забот.
Вот кровью нальется последний
восход,
И зрелость — суровая дама
в пенсне —
Зайдет, постучавшись тихонько,
ко мне.
И сядет к камину, и выпьет вина,
И скажет довольно: «Привет,
старина».

* * *

По пояс — снега,
За горло — долги.
Занает пурга —
Беги, не беги,
Спешу, не спешу —
Погода не в масть:
Положат — лежи,
Повесят — не слазь.
Украсят огни
Вселенскую высь...
Короткие дни,
Короткая жизнь.

Марина ШАНИНА

ПОЛНОЛУНИЕ

Бывает так. не жизнь, а маета,
Когда и слезы не врачуют душу.
Глухая ночь с усердием жгута
На плечи давит, пламя страсти
тушит.

И ты, то словно тетива от лука,
Натянутая сильною рукой,
То ощущаешь, как слабеет мука,
И в сердце возвращается покой.

Как некая неведомая сила
Приятно обволакивает стан...
И, мнится, что ты с миром
отпустила
Всех дум своих извечный
караван.

А ветер шлейфом вьется
за спиною,
Забыв, что в нем стихийное
начало,
Внушая мне, что он — союзник
мой,
Что я без покровительства
устала...

И я его мольбам почти внимаю,
И нужным видится его участие,
Когда игру без правил принимаю
В надежде, что сыграю с прежней
страстью.

Но стоит шире распахнуть окно,
Познав холодные объятия ночи,
Как ясным представляется одно,
Одно я знаю абсолютно точно.

Весь мир иллюзий темноте
послушен,
И я презреть тревогу не вольна,
Когда так откровенно смотрит
в душу
Бесстыдным оком полная луна.

г. Череповец

Юлия КЛЮКИНОВА

ЧАСТИЦА «НЕ»

Частица «не» живёт у нас
в крови —
Не уходи, не бойся, не зови,
Не плачь, не вспоминай,
не бери,
Не унывай, и вновь —
не уходи.
Мы так боимся что-то потерять,
Что заклиная снова и опять:
Не верь, не покидай, не отдавай,
Не спорь, не жди и
не переживай...
И как же часто с нами так
бывает,
Что силы заклинаний
не хватает!
Друзья уходят, счастливы
вполне,
А с нами остается только «не».

Татьяна ЛАВТАКОВА

* * *

Я сегодня сжигаю мосты.
Как горят они пламенем синим!
Здесь — свободная я,
Там — разлюбленный ты,
Я прощаюсь с тобою,
красивым.

И вздохнулось светлей,
И душа налегке
Встрепенулась, как вешняя
птица.

Чтобы выше взлететь,
Чтобы громче запеть,
Чтобы снова в кого-то
влюбиться!

Владимир Дружинин

* * *

Тот город зелёный...
Н. Рубцов

Мы знали девчонок всего
городка

Поимённо.
Меняли, как части меняют,
Места дислокаций...

Тот город зелёный,
В одну танцплощадку
влюблённый,
Затерянный в душной прохладе
Июльских акаций,
Доселе мне снится
Своей колокольнею древней,
Безлюдьем дневным
И вечерних гуляний тоскою,
Здоровается с незнакомцем —
Большая деревня!
И плещется в память
Своей обмелевшей рекою.

Но, кажется, там
(Не в газете ли было
вчерашней?),

Уехавшим — в радость,
Спешащим назад —
в наказание,

Срубили сады,
Понастроили каменных башен,
Людей расселили
И улиц сменили названья.

Вячеслав БЕЛКОВ

«ИСТОКИ» В ТВОРЧЕСТВЕ РУБЦОВА

Поэзия нашего современника Николая Рубцова (1936—1971) идеально подходит для литературной иллюстрации категорий истоковедения.

Возьмем, например, учебный курс «истоков» для 1—4 классов. В этот курс входят такие основные понятия: Слово. Образ. Книга. Родной очаг. Родные просторы. Труд земной. Труд души. Вера. Надежда. Любовь. София. Русские Традиции Образа. Слова, Души.

Можно сразу, по памяти, привести соответствующие строки Рубцова. Как будто авторы программы «Истоки» имели в виду именно нашего замечательного поэта:

«Мое слово верное прозвенит...»

«В своей руке сверкающее слово...»

«Сей образ прекрасного мира...»

«Чтоб книгу Тютчева и Фета
продолжить книгою Рубцова...»

«Прости, сказал родному краю...»

«Как весь простор небесный и земной...»

«Звезда труда, поэзии, покоя...»

«И кропотливый сельский труд...»

«Я клянусь, душа моя чиста...»

«О, если б верить, что годы покажутся пухом...»

«За все добро расшлатимся добром,
за всю любовь расшлатимся любовью...»

«Снег летит на храм Софии...»

«Честь простым словам...»

«Мир небес душа имеет...» и так далее.

Еще полнее и определеннее категории «истоков» раскрываются в поэтическом контексте. Например:

Улетели листья с тополей.

Повторилась в мире неизбежность...

*Не жалея ты листья, не жалея,
А жалея любовь мою и нежность!
Пусть деревья голые стоят.
Не кляни ты шумные метели!
Разве в этом кто-то виноват,
Что с деревьев листья улетели?
(любовь, дорога жизни)*

При детализации основных понятий учебного курса «Истоки» мы тоже не обойдемся без Рубцова:

*Я не один во всей вселенной.
Со мною книги и гармонь,
И друг поэзии нетленной —
В печи березовый огонь...
(книга, слово, вечность)
Как весь простор небесный и земной
Дышал в оконце счастьем и покоем,
И достославной веял стариной.
И ликовал под ливнями и зноем...
(родные просторы, память)
Люблю я деревню Николу,
Где кончил начальную школу...
И казалась мне эта деревня
Чем-то самым святым на земле...
(деревня, течение времени)
Так полюбил я древние дороги
И голубые вечности глаза...
(путь-дорога, вечность)
Морской простор необычаен...
(море-океан, тайны моря) и т.д.*

Остановимся на двух темах учебного курса.

Первая тема:

2 класс. Труд земной. Братья меньшие.

Здесь можно прочитать и проанализировать замечательные стихи Н. Рубцова о животных и птицах — «Коза», «Ласточка», «Жеребенок», «Воробей», «Про зайца» и другие.

*Побежала коза в огород.
Ей навстречу попался народ, —*

Как не стыдно тебе, егоза? —

И коза опустила глаза.

А когда разошелся народ,

Побежала опять в огород.

Поэт пишет о животных с огромной любовью, с уважением, иногда с юмором. Можно сказать так: если у Есенина животные — «братья наши меньшие», то у Рубцова они — равные нам существа. «Ласточка, что ж ты, родная, Плохо смотрела за ним...» Подробнее об этой теме смотри в книге — В. Белков «Неодинокая звезда», М., 1989, с. 29—34.

Вторая тема:

1 класс. Образ, Образ света.

Солнце — источник света и тепла. «И все лучи, как сотни добрых рук, мне по утрам протягивало солнце...» Солнце — святыня, неизменная ценность, как родина, мать, хлеб... Тут неуместны шутки и неосторожные сравнения. Отношение Рубцова к этим святыням можно показать на примере эпиграммы в адрес стихотворца Горшкова, который сравнил солнце с блюдом:

Ты называешь солнце блюдом.

Оригинально. Только зря.

С любою круглою посудой

Светило сравнивать нельзя!

А если можно, — значит, можно

И мне, для свежести стишка,

Твой череп образно-безбожно

Сравнить...с подобием горшка!

Если ты нарушил законы поэзии и морали, посмеялся над вечными ценностями в угоду «свежести стишка», то пеняй на себя...

Свет в поэзии Рубцова играет большую роль. Иногда это Божественный свет. Часто свет — синоним правды, добра, надежды. Перечитайте стихотворение «Русский огонек», строки «Светлый покой опустился с небес...», «Светлые звезды горят...» и др. Противоположность света — мрак. Пришли друзья — стало светло. Умерла мама — наступили сумерки. Свет у Рубцова «объединяет, сливает воедино мир и человеческую душу» (В. Кожинов). Подробнее об этом смотри в книге — В. Белков «Повесть о Вологде. Сто историй о Рубцове». Вологда. 1991. с. 55—65.

Поэзия Рубцова уникальна еще и потому, что поэт вполне осознанно выбрал свой творческий метод, а именно — свои ценности. Он ут-

вердил это летом 1964 года, в письме из Николы: «Здесь за полтора месяца написал около сорока стихотворений. В основном, о природе, есть и плохие и есть вроде ничего. Но писал по-другому, как мне кажется. Предпочитал использовать слова только духовного, эмоционально-образного содержания, которые звучали до нас сотни лет и столько же будут жить после нас...»

По терминологии истоков «духовность» — это высшая психическая функция, характеризующая чистоту сердца. Тут тоже уместно вспомнить строки Николая Рубцова — «До конца, до тихого креста Пусть душа останется чиста!» Федор Абрамов как-то сказал о Рубцове: «Такой чистоты, такой одухотворенности, такого молитвенного отношения к миру — у кого искать?»

АВТОГРАФ

Рукопись стихотворения Н. Рубцова «На реке» с правкой автора. б/д

На реке

Со стороны
 Реки не виден сроду,
 Дружок мой городской,
 Он смотрит в Нангу воду
 С любовью и тоской.
 Аж так тепло стучится,
 Над ней томится бор.
 Я знаю, как птица,
 Я знаю мой — как тонор...

Валентин ШАГИНОВ

* * *

В мире Рубцова
Напевном и чистом
Отроки скачут
В тумане росистом,
Воды полынные
Душу тревожат,
Воспоминания
Множат и множат.
О, сколько ярких
И светлых видений
Видел возвышенно-

Сумрачный гений
В нашей загадочной,
Нашей унылой
Непредсказуемой
Родине милой?
В мире Рубцова
Напевно-тревожном
Не сострадать,
Не любить невозможно.
И невозможно
Не сожалеть,
Что он не смог
Свою песню допеть.

Владимир СОКОЛОВ

ПРИВЕТ ИЗ МОСКВЫ!

Всегда жду новостей из Вологды и ваш журнал «Автограф». Спасибо за ваш кропотливый труд, за то, что есть истинные и чистые душой люди, которые по крупицам собирают материалы о жизни и творчестве великого вологжанина Николая Рубцова. Всегда с теплотой вспоминаю наши первые встречи в Вологде, потом открытие памятника поэту в 1998 году, когда я познакомился с Еленой Рубцовой...

А сейчас идет разнузданная травля Рубцова во всяких мелких газетах. Как могут эти людишки вообще упоминать светлое имя поэта? Видимо, они завидуют, их душой правит сатана. Верно сказано, что таких авторов лучше всего — брезгливо не замечать.

Недавно прочитал прекрасные книги и газеты, изданные в рамках образовательной системы «Истоки», которая поддержана и губернатором Волог. области. В «Истоках» вышли книги и Пушкина, и Рубцова, и И. Полуянова. Низкий поклон всем сотрудникам «Ис-

токов». Хочу тут вспомнить строки стихов питерца Ивана Стремякова:

*Навис над Родиной туман,
ни переправы и ни волока.
Москва сдана и Питер сдан,
но есть еще в России Вологда!*

Хочу сказать спасибо и Н. Старичковой, которая сумела сохранить личные вещи поэта и выпустила книжку воспоминаний о нем. Спасибо Москвиновой Галине Михайловне, которая сделала мемориальную доску памяти Рубцова... Я не так давно купил несколько экз. книги Коняева о поэте («ЖЗЛ»), поехал в Питер, подарил Елене Николаевне, Борису Тайгину и в библиотеку им. Рубцова.

Думаю, что пора издавать полное собрание сочинений Рубцова, а для этого объединить все усилия и создать Всероссийский Рубцовский Дом, как Пушкинский Дом в Петербурге. Еще раз примите мою благодарность и наилучшие пожелания.

Апрель 2002

МНЕНИЯ:

«Думая о Рубцове, глядя на его памятник, побывав в его деревне, вспоминая его стихи, я сегодня испытываю чувство, которое давно уже не приходило ко мне: я горжусь, что я русский».

Профессор М. П. Еремин

«Зло заявляет о себе все громче и откровеннее, претендуя на то, чтобы стать непрекращаемой нормой общественной и личной жизни».

Патриарх Алексей II

Виталий СЕРКОВ

* * *

В этом городе праздном
При сиянье свечи
Размышляю о разном
Одиноко в ночи:

Был запрет на Мессию,
На Россию запрет,
Пожирает Россию
Брат агонии — бред.

И бунтуют, и ропщут
Чувства в полной тиши:
Силы темные топчут
Оборону души.

Если справятся, жить нам
Станет много страшней,
Хоть она беззащитна,
Да надежнее с ней.

И воскликнулось: «Боже,
К свету путь укажи!»
Не услышал, похоже,
Через все этажи.

Только тень покачнулась
От огня на стене,
И душа улыбнулась
Одобрительно мне.

ПЕРСПЕКТИВА

Я с грустью признаюсь, хоть всем
на потеку,
Что, если сумею дожить лет
до ста,
Мне книгу помогут коллеги
по цеху
Издать на четыре условных
листа.

Успеют, как надо, слова
ограниться,
И в них отразится сиянье небес.
В печали и грусти немало
хранится
Сокрытых до времени разных
чудес.

Тогда уж, наверное,
все графоманы
Давно опочиют в тяжелых томах,
Рассеется мрак и растают
туманы,
И мир воцарится в умах
и в домах.

И только Рубцов с оборота
обложки
С ехидцею смотрит... А что
не смотреть,
Когда я не смог о Кубани
и грошки
Стихов сочинить, да и в срок
умереть?

Но пусть меня судит за это
Мессия
И совесть — мой самый суровый
судья,
Вы слышите: стоном исходит
Россия?
Его-то и буду озвучивать я.

* * *

Эта — мышь выдает за слона,
Тот — в игольное ушко
верблюда
Так толкает, что всюду —
слюна,
И нигде — проявления чуда.

Чудо дремлет в лесу до поры,
Ждет: вот-вот подойдут
лесорубы,
Застучат на заре топоры,
Заиграют призывные трубы.

Попотеть им придется всерьез,
Чтоб продраться сквозь все
буреломы,
И за каждым таится курьез
Под копной перепрелой
соломы.

Я и сам в лесорубы наймусь.
Будет майка пропитана солью,
Но дойду, до чудес поднимусь
И коснусь их кровавой
мозолю.

СТРАСТИ ПОД ЛУНОЙ

«Сандаловая палочка
на столике дымит.
Кольцо луны — прозрачный
хризопраз...
...Я видела из-за болотных дол,
Как по лучу Звезды Светлейшей
Устремил свой шаг,
Мой князь меня во тьме болот
нашел...

...Он со Звезды, Милейший мой,
Вновь в зале кожном спит...»
(Татьяна Соколова)

Опершись на палку из сандала,
Сандалеты вымазав в грязи,
Убегала Таня от скандала,
Мимоходом князю погрозив.

По болоту топкому кружила,
Замочила ноги и подол,
Намотавшись к вечеру, решила
Улизнуть «из-за болотных дол».

Лунный свет неяркий
хризопраза
Осветил медовым светом лог,
И поймал беглянку князь-зараза,
И к копешке ближней поволок.

Что случилось в этом мире
сложном,
Нам не знать, да и копна молчит,
...Князя лечат, слышал,
«в зале кожном»,
А Татьяна вновь стихи строчит...

ПОЛЕТ ВЕДЬМЫ

«...Оседлаю Диво посох и забуду про беду,

К говорливым, к серым уткам поднимаюсь на высоту...

...Чудный посох мой волшебный он
из деловой кости...»

(Т. Соколова. Кн. «Танец змеи»,
изд-во «Раритеты Кубани» 2001 г.
г. Краснодар)

Все ведьмы, как ведьмы —
хватает метлы,

Чтоб к уткам наведаться
В гости,
А этой подай не пучок из ветлы,
А посох «из деловой кости».

Раз надо, так надо.
Лети и гости.

У нас ведь гуляют по суткам.
А вдруг оживет что-то в этой
кости,
Завидно покажется уткам?

И, вспомнив на воле,
 чем раньше жила,
Вся похоть забродит по крови?
Начнутся над Русью такие дела,
Что дугами выгнутся брови!

И что — покаянье, Всевышнего Суд?
 Что ведьмам духовная пища?
 И прадедов кости они
 разнесут —
 Держитесь, России кладбища!..

Надежда ШИЛОВА

* * *

На берегу, где мудрая вода
Шумит о вечном не одно столетье,
Где поселилась Вера навсегда,
Подолгу просто так могу сидеть я.

Беседуют о чем-то тополя.
Они могли бы рассказать
о многом!..
Устьянская родимая земля —
Отсюда началась моя дорога.

И пусть ушла совсем недалеко, —
Не отпустил меня край
Вологодский, —
Недальний путь вел очень
нелегко,
Меня черно-белые полосы.

Когда меня нежданная беда,
Как молния, до корня
 поражает, —
Всем существом своим
 стремлюсь сюда,
В родной поселок снова
 приезжаю.

А земляки: — Ну, как идут дела?
Внимательно, подолгу могут
слушать
И дефицитной капелькой тепла
Согреют опечаленную душу.

Меня в деревню тянет потому,
А с возрастом — все более
 упрямо,
Что там в озябшем, стареньком
 дому
Живет еще не старенькая мама.

Конечно, ей уже не пятьдесят.
И шестьдесят мгновением
 мелькнуло.
Но молод и лукав порою взгляд.
Такую не назвать никак
 «бабуля»!

Да, правда, стала голова седой.
Не спрячешь волны времени —
 морщины
Я ж вспоминаю маму молодой,
Разглядываю годы,
 как картины.

Никто не мог ее переплясать!
Лишь только для нее отец
 играет...
А слов «я не хочу» или «устать»
Она, похоже, до сих пор
 не знает!

Люблю я маму, землю, жизнь
 люблю,
Просторы, что могу назвать
 своими.
За все, за все ее благодарю.
И пусть в веках
 ее святится имя!

ПРИЗНАНИЕ

Я хорошею от твоей любви.
Я становлюсь терпимее, добрее.
Поверить счастьем своему
 не смея,
На все готова, — только позови!

На каждое свидание спешу
И в молодости прелесть
 возвращаюсь.
Смотрю я на тебя и наслаждаюсь
Лишь тем, что рядом мыслю
 и дышу.

Встречаем мы еще одну весну.
Надеюсь, распахнет нам двери
 лето.
Теплом души взаимным мы
 согреты
Тебя, мой друг, ни в чем
 не упрекну.

Ты открываешь прелесть бытия.
Я в нежности, как в солнышке,
 купаюсь.
Что б ни случилось, в чувстве не
 раскаюсь.
Я — половинка вечная твоя.

Ты видишь сам, что делаешь
 со мной?
Я как сирень весною расцветаю,
Как снег случайный под ладонью
 таю,
Живу твоей любовью, мой
 родной!

РАЗМЫШЛЕНИЕ

Человек растворился в снегу —
В сером облаке серым пятном.
Задевая других на бегу,
Верно, думал он только о том,

Как бы не заблудиться ему
В этой серой сплошной пелене.
Не остаться совсем одному,
Как в кошмарном полуночном сне!

Вдруг мелькнуло иное пятно —
Яркой каплей на фоне тоски.
Так стремительно плыло оно,
Что ускорил прохожий шаги

И глядит: уже кончился снег,
Отодвинулся мокрой стеной.
Улыбнулся в душе человек
И пошел потихоньку домой.

Часто думаю я об одном:
Если в жизни не видно ни зги,

Оказаться бы ярким пятном,
Чтоб указывать путь из пурги!

ФАНТАЗИЯ

Грешно желать запретный плод:
Последствия не предсказать.
Но вот он — рядышком растет.
И тянется рука — сорвать.

Да, все же он смущает взгляд!
Ах, искуститель, этот плод!
Я — как лиса и виноград:
Хоть око видит, зуб — нейма.

Играет солнце в прятки с ним,
Ласкают ветер и листва.
А для меня — недостижим!
(От мыслей кругом голова...)

Но верю я: настанет час, —
Он с ветки упадет ко мне.
И я, как будто в первый раз,
Его отведаю... во сне!

Поздравляем!

От души поздравляем замечательного музыканта, композитора, художника, педагога, просто добрейшего человека **Владимира Изосимовича Анку - динова с 65-летием!**

Редакция

Критика и библиография

ГЕОРГИЙ ЖЖЕНОВ ОБВИНЯЕТ...

— Мы не без оснований боимся цензуры, но во всех цивилизованных странах она в той или иной форме есть. В Германии строго отбирают то, что показывают.

— И правильно делают.

— На ваш взгляд, этому мутному телепоток можно противостоять или надо по привычке терпеть и молчать?

— Можно. И сейчас это зреет. Противостояние зреет не в столице, столица давным-давно мной оплакана. Оно зреет в провинции, в истинно русских губерниях России, где еще сохранился какой-то уровень нравственности.

— А вы не идеализируете провинцию?

— Нет, не идеализирую, хотя бы потому, что провинция чуть не по миру ходит, влача жалкое существование в этом криминально-финансовом обществе, которое сумело вдруг создаться.

— А позитивные начала, перемены к доброму хоть в самом малом вы видите в нашем обществе?

— Нет. Хотя, в высказываниях, в позиции отдельных людей — да, конечно.

— Говорят, народ имеет ту власть, которую заслуживает; мы получили страну, которую заслужили? Страну, в которой созидающие, творческие начала не задействованы почти совсем?

— Конечно. А что вы хотите? Уничтожены несколько поколений достойнейших людей;

нет никакой преемственности между поколениями. Надежда на детей? Так мы же знаем, в каких условиях они сейчас воспитываются! Надежды мало. У нас есть несколько потерянных поколений, провальных поколений.

— Выходит, мы обречены?

— Нет, я все-таки верю, что в конце концов добрые начала восторжествуют, верю, что правда есть. Другое дело, когда это будет и коснет-

ся ли моих детей и внуков. Или же они окажутся жертвами. Я боюсь, я опасаюсь за них.

— Недавно мы потеряли Виктора Петровича Астафьева. Вы дружили с ним. Он занимал очень активную жизненную позицию и при этом с горечью сознавал, что писательское слово, книга уже мало что определяют в жизни России.

— Астафьев — исключительное явление. Талантливейший писатель, словообразователь даже. Настоящий народный писатель. Белов, Абрамов, Распутин — истинно русская литература. Виктора Астафьева я чту как большого писателя, а в жизни своей он был обыкновенным мужем. Старался не врать. У него достаточно трудная и горькая жизнь была.

Слабости есть у всякого человека. Был период, когда он пытался угодить советской власти.

А Владимир Солоухин, настоящий уважаемый русский писатель! Он никогда не мог смириться с той иноземной линией в искусстве и литературе, которую у нас с удовольствием насаждала пресса, которая целиком принадлежит этой категории людей. Самые ключевые органы мы отдали во владение другой идеологии.

«КС»

Надежда ШИЛОВА

В ПУТИ

Путь Татьяны Леонидовны Петуховой в детскую литературу складывался непросто. Почти 20 лет поисков, труда, сотрудничества с областными периодическими изданиями, с редакциями журналов «Мурзилка», «Барвинок», «Нева» были нелегкими.

Как признается сама поэтесса, отзывы не всегда были положительными, но Татьяна Леонидовна не оставила творчества, и как результат — несколько поэтических сборников для детей, сказок.

Накануне юбилея автора вышла книга «Солнечный дождь» (Вологда, 2001). В нее включены стихи из предыдущих изданий и произведения последних лет.

Привлекает в поэзии Татьяны Петуховой ее умение проникнуть не только в мир детей, но и предметов, явлений, позволяющее вести разговор как бы от имени вещей, одушевляя неодушевленное («На посту», «Светить для всех»).

Поэтесса «подслушивает» интересные мысли животных и растений («Модница», «Отважный капитан», «Обида», «Письмо»).

В некоторых стихах Татьяна Леонидовна смотрит на взрослых глазами детей и замечает то, на что мы порой не обращаем внимания. Например, знакомая картина: взрослые перебегают улицу на красный свет, а дети терпеливо ждут зеленого огонька («Экзамен»). Такого же плана стихи «Дорогие папы, мамы...», «Папа, здравствуй!». Добрую улыбку вызывает стихотворение «Лучший друг». Дедушка дарит внуку игрушку — ракету, которую ему в своем детстве даже видеть не удалось. И вот картинка: дед играет ракетой уже полчаса, а внук стоит у скамейки и глотает слезы. Но самое примечательное — концовка стихотворения:

И все же я дедушку очень люблю —

Пусть поиграет, а я потерплю.

ДОБРОТА — вот основное настроение всех стихов Петуховой — пишет ли она о детских проказах, конфликтах или обидах. Всегда у нее побеждает светлое настроение. И еще — юмор. «Испытатели» отправили с балкона в полет на воздушных шарах тяжелые портфели... На 8 марта дети дарят маме не только цветы, но и лохматого щенка... Папа испек соленый торт...

Интересны образные выражения в некоторых стихотворениях: солнце на речном дне «шевелит лучами, словно плавниками...» Капуста не загорает потому, что «... Пока снимаю платыца, солнышко закатится...» В полдень на грядке с горохом «...солнца пятна, как цыплята, в горохе ищут зернышки росы...»

Стихи Татьяны Леонидовны музыкальны; не случайно многие из них стали песнями.

ДОМАШНИЙ МУЗЕЙ

Великий поэт Николай Рубцов ушел из жизни более 30 лет назад. Но в Вологде до сих пор нет государственного музея поэта. Недавно появился частный музей — в квартире Н. А. Старичковой.

Теперь я тоже решил открыть домашний музей Рубцова. Более 20 лет занимаюсь изучением жизни и творчества поэта, накопилось много материалов, книг. Есть несколько открытий. Живу я на улице Разина. Предварительная договоренность по телефону 24-36-36. Бесплатная экскурсия гарантируется.

В. С. Белков

КНИЖНАЯ ПОЛКА

В. Елистратов. Словарь языка Василия Шукшина. — Москва, 2001. Первый опыт подобной работы с прозой Шукшина, классика 20 века.

Ф. Колотушкин «Вдохновение черпал в луже», фельетон о картинах вологодского художника В. Корбакова, журнал «Пятницкий бульвар». Вологда, март 2002.

Михаил Карачев «На окраине дали далекой», стихи, Вологда. 2002. Книжка вышла в серии «Вологда. 21 век».

М. Свистунов «Утром в день Победы», рассказы, Вологда, 2002, Стихи этого автора публиковались в журнале «Автограф».

Инга Чурбанова «Другие песни», стихи и поэма, Вологда, 2002. Книжка вышла в серии «Вологда. 21 век».

«Автограф» № 16, 2002. В журнале — стихи Г. Швецовой, В. Белкова, Ю. Максина, В. Серкова и др. Воспоминания А. Грязева о Рубцове, заметки М. Полетовой и В. Поповой, много информации о череповецких авторах, графика Д. Медведева, В. Шагинова, М. Медник.

Ст. Мишнев «Яшкино просветление», рассказы, Вологда. 2002. Автор родился в 1948 году, живет в вологодской деревне, член СП России.

В. Кокорин «За долг и честь», стихи, Вологда, 2002. Автор живет и работает в Вологде, член СП России.

Михаил Сопин «Свобода — тягостная ноша», стихи, Вологда, 2002. Редактор — А. Цыганов. Автор — один из старейших наших писателей.

Т. Хрынова «Радуга памяти», стихи, Вологда, 2001. Автор книжки живет в Соколе, давно пишет стихи.

«Вологодский коллекционер», альманах, № 2, 2002. Среди авторов альманаха — Ю. Малоземов, В. Белков, Т. Тайганова, А. Кузнецов и др.

А. Широглазов в череповецкой газете «Речь» пишет о Рубцове: «О его суицидальных настроениях и строках написано достаточно много» (18 марта 2002). Это ошибка, у поэта почти не было таких самоубийственных настроений.

Юрий МАКСИН

СЛОВО ЗА СЛОВО

Есть у меня приятель, книгочей, дотошный такой. Как меня увидит, так давай со словами играть. Все ему хочется их скрытую суть постигнуть, ум свой показать. То так, то эдак слова на слоги раскладывает. Иной раз вокруг слова целый рассказ насочиняет. Удивительные выводы напрашиваются. Поневоле задумаешься: а вдруг в этом что-то есть.

Черепаха

А знаешь ли ты, почему её так кличут: чере-паха? Ни за что не догадаешься. А на самом деле всё просто.

Жил да был на белом свете казак по прозвищу Паха Череп. Мало того, что башка у него была крепкая как чугун. У него и грудь была — как панцирь. Стрелы калёные, пули свинцовые, даже ядра, мелкие, и те от неё отлетали.

Вот сдет один раз Паха со своим братом Ваней по степи. Кони у них хорошие. Такие кони в бою заместо танка. Столько, бывало, врагов надают, что Пахе с Иваном и делать нечего.

Едут, стало быть. А навстречу им сета животинка малая под копыта и выползла. Пахин конь по ей копытом — бац! Хоть бы что. Покосил на неё глазом конь и дальше бы пошёл. Да тут Иван говорит: «Тпру». Стой, значит. «Это, — говорит, — что за чудо такое валяется? Паха, глянь крышка на ней, что твоя грудь, ничего не боится. Давай-ка эту крышку с собой возьмём».

Привезли они животинку домой. Людям стали показывать, не знает ли кто, как её кличут.

Никто не знал.

А кто привёз её? Паха Череп. Ну, Паха Череп, Череп Паха. Чья животинка? Череп Пахина. Ну, ты филолог, сам знаешь. Тут буква одна для складу лишняя, так вот и получилось: Череп Паха, чере-паха, чере-паха. А ты думал? Люди зря не назовут. С тех пор и кличут твёрдень-

кую черепашкой. Хорошая животинка. Зимой спит, как медведь, летом кушает мало, детям забава, не укусит. Блох там, али других насскомых не занесёт.

Да и память всё же о Пахе Черепе. Хорош был казак, грудь, как панцирь!

Голосование

Что такое голосование? Вдумайтесь в это слово. Голо-сование — это сование голов. А теперь скажите мне, откуда всё это пошло?

А я вам отвечу. От французской всё это пошло революции. Помните: свобода, равенство, братство. А до них Жан-Жак это всё Руссо на-выдумывал в своём «Общественном договоре».

А что потом было?

Гильотинка на площади. Голову туда только сунь. Тяп. Стоит только раз отпустить верёвочку. Только и слышно потом: тяп, тяп... Головы рубят, души, понимаешь, летят. А что тело без души? Труп называется. То-то, брат. А ты: «Голосовать пойдём, голосовать!» Пожалей головушку, а то без души останешься. Кто же деток твоих накормит?

«Риголетто»

Это, кажется, и до меня кто-то заметил, что «Риголетто» — Рига и лето. Просто по-латышски лето произносится «летто» (с двумя «т»). Ну, ты же филолог, сам знаешь, что «а» на «о» тут для связки заменено, как соединительная гласная. Лучше звучит, стало быть. Красиво звучит: «Риголетто».

Телебайки

А вот телесвидение — это гнусь. Так и норовят какую-нибудь гадость в русскую душу засунуть.

Вот недавно, смотрю, новую рубрику ввели. «Телебайки» называется. Ты это слово разложи на два. Ну? Как выходит?

— Теле-байки.

— Вот-вот. И все так думают. Не теле-байки, а тел-..... Понял?

Вот так нам всякую порнуху с экрана в сознание и лепят.

Экспрессионизм

Ну, насчёт этого, я думаю, и так всё ясно. Сразу. Сионизм экспрес-сом. Всё искусство зас..., загадили. Ты сначала человека, природу, лошадку простую, как Репин просил, научись рисовать. А со своим сионизмом мне лучше на глаза не попадайся. Развели, понимаешь, импрессионизм, экспрессионизм, постимпрессионизм, постэкспрессионизм, гомосексуализм. Для меня разница есть в искусстве. Филателист, Тифлис и сифилис для меня слова разнокоренные, хотя, по правде, я бы их однокоренными сделал. Не напе это всё. Не на-ше!

Рукавица

А знаешь ли ты, что такое рукавица? Это рука и вица. Чтобы всякую шваль и погань... И понесло...

Католик

Католик. Вроде и верующий человек, да? А разложи это слово на два. Като-лик. Лик ката. Кто такие католики, я спрашиваю? Палачи! Одна инквизиция чего стоит!

Пить, копить

— Что грустный? — спросил я своего знакомого.

— Да долги зас-мучили. А не пить я не могу.

Либо пить, либо копить. Для меня это «копить», как дразнилка: Вася-Ковася, пить-копить. Это не простое совпадение. Теперь уж точно копить не буду. Стакановец я.

Материть

Вот, скажи мне, откуда пошло слово «материть»? Говорят, например, «послать по-матерному». Тут вроде как слово «мать» в корне слышится. ан, нет. Мать тут не при чем. «Мать» — слово святое. Тут все в ситуации зашифровано. Есть такое слово «мастерить». Вот мастер делает какую-нибудь вещь и нечаянно молотком по пальцу: хлесь! И начинает выть и материться. Мастерить — материть. Оба слова похожи. Буковка «с» то появляется, то исчезает.

В зависимости от ситуации.

Вячеслав БЕЛКОВ

БАЛАГАН

Документальный роман
1979

гравюра Д. Медведева

От автора

Этим романом я отдаю дань уважения студии художественного слова при Вологодском пединституте, которая существует уже около шести лет и закрываться пока не думает.

Значительная часть повествования посвящена истории студии, но автор касается и ее настоящего, ее будущего, человеческих характеров и сценических приемов, составляющих ее суть.

Автор просит также читательского снисхождения, поскольку, работая над романом, поставил перед собой задачу писать сразу набело, не делая поправок. Впрочем, от пауз и размышлений он себя не освобождал.

Часть первая

«Современные прозаические вещи могут иметь соответствующую современной психике ценность только тогда, когда они написаны в один присест. Размышление или воспоминание в двадцать или тридцать строк — максимально в сто, скажем, строк — это и есть современный роман...»

Ю. Олеша

1.

Откуда-то снизу — от рампы, или сбоку — из глаз «юпитеров» брызжет искусственный свет, в партере стихают разговоры и вздохи, и на сцену выходит человек.

У него в голове сумма слов и фраз, написанных другим человеком, у него в душе желание передать некое чувство пришедшим слушателям, у него за плечами, как жидкие крылышки, несколько репетиций. Он — чтец. И как только он сделал первый шаг из-за кулис, как только его увидели, — началось искусство чтеца. Искусство, на первый взгляд — простое и ясное; а на самом деле сложнейшее и во многом еще непонятное.

Но об этом мы поговорим после. Сейчас же — на сцене, рядом с этим чтецом — в голову лезет что-то сентиментальное и милое, несмотря на волнующий прибой зала:

Как на берег свободной стихии, Мы выходим на сцену, друзья...

2.

В 1972 году, примерно в августе, когда осень уже вплела в зеленую прическу нашего городка первое золото, я, ничего еще не подозревая, вошел в боковую дверь бывшего Дворянского собрания и, сопровождаемый подсказками, поднялся по таинственной мраморно-деревянной спирали из мягких переходов и скрипучих лестниц на третий этаж, под самую крышу, и разыскал глазами табличку с надписью, первые буквы которой навсегда вошли в нашу жизнь — ДНТ.

Но дело, конечно, не в буквах, а в людях. За этой массивной порывевшей дверью меня встретил молодой и черноволосый Валерий Андреевич Бурков, который, кстати, один представлен в этих замстках под своей фамилией.

О, сколько воды и прочего утесло с тех пор! О, как забываются детали, и как помнятся чувства!..

3.

Сначала были афиши. Большие, типографские, расклеенные по всему нашему городу. Надпись на них гласила, манила и призывала: «Объявляется набор в СТУДИЮ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА при областном Доме народного творчества... Явиться туда-то и тогда-то...»

Действительно, эти большие синие буквы в середине — ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА — меня потрясли и заворожили. Я очень часто воспринимаю и понимаю сложные и туманные понятия через такие же туманные, но милые слова. И теперь, несмотря на всю загадочность этой афиши, я вдруг понял, вернее, почувствовал, что это для меня, что это мое и без этого жить будет трудно...

Если бы кто-нибудь подслушал в этот момент мои мысли, ему, наверно, было бы очень смешно, а мне — совестно из-за их нелогичности. Дело в том, что в 10-ом классе наша учительница поставила мне с большой натяжкой тройку за чтение «Левого марша», сказав при этом, что я небездарен.

4.

Я прочел ей названное стихотворение Маяковского два раза подряд (второй раз еще хуже, чем первый) и ушел злой и разочарованный в себе. Утешало меня только то, что звали эту учительницу У. О. Матюкова, и что ее главный талант состоял в том, чтобы отбить у старшеклассников (уже окончательно отбить) интерес к литературе.

...Там, куда я попал после большого синего объявления, приходилось читать одно и то же, стихотворение не два раза, а раз 20—40, но, к удивлению моему, последний раз оно звучало гораздо лучше, чем первый. Здесь следовало бы сказать о самой характерной и решающей ошибке начинающих чтецов (они обмануты своим внутренним слухом), но страница эта кончается, и мысль придется пока отложить до следующих глав.

На первое прослушивание я прибыл к В. А. Буркову с тремя стихотворениями: Блок «Поэты», Есенин «Не бродить, не мять...», А. Яшин «Орел».

5.

Эти романтические (или романтические) записки были задуманы сначала в плане автобиографическом. Отказавшись позднее от этого замысла, я не могу все же до конца избавиться от его элементов. А по сему...

По всем и всяким ранним признакам я должен был стать танцором. Это искусство я до сих пор считаю одним из высших человеческих проявлений, поскольку оно связано с человеческим телом, музыкой и допускает большую импровизацию. В 10-ти летнем возрасте я, помню, что-то танцевал в ансамбле. Нас учили неспринужденно двигаться и постоянно смотреть на партнершу. Из всей науки я, к сожалению, усвоил только последнее.

Потом была наука детского драматического кружка, годы какой-то отроческой пустоты, и, наконец, юношеское увлечение поэзией, от которого до чтения стихов вслух два шага...

6.

В начале романа я предупредил читателей, что В. А. Бурков будет фигурировать здесь под своим родным именем. Теперь хочу только добавить, что для удобства изложения я буду применять к нему и некоторые другие наименования и эпитеты, как например: шеф, маэстро, Бурков, человек с бородой, лидер, В. А., режиссер, отец, веселый, грустный и т. д...

В те времена, о которых идет сейчас речь, Бурков собрал посредством магического объявления человек 10—12 самого разного возраста и по вечерам занимался с ними в ДНТ. Среди этих людей, где находился и я, были звонкоголосые школьники, старый аптекарь с громовым басом, несколько студентов ВПИ, какая-то томная девушка и другие. Занятия шли индивидуальным порядком: один из нас читал, режиссер слушал и поправлял, уделяя много времени смысловому анализу произведения, остальные слушали и чтеца и шефа.

7.

Мне не стоит, пожалуй, подробно останавливаться на этой предыстории студии. Тем более, что в ней не было тогда, кажется, ни одного представителя (цы) пединститута, да и состав тот стал постепенно таять.

Опишу только наш дебют, первое публичное выступление. И лучше всего восползоваться для этого приемом потока сознания:

Давило и подавляло буквально всё — потолок, стены, свет настольных ламп, лица зрителей... Дело было в читальном зале юношеской библиотеки зимой 1972—1973 года, в день для меня страшный. Как и что читал, не помню, стоял в трех шагах от публики, но никого почему-то не видел, в горле было сухо, язык упирался, прилипал к зубам и произносил странные и чужие слова, дышал я как в шахте, хотелось махать руками... Нас было, кажется, трое: второй юноша, читая, улестел не в ту степь, как читала девушка, не помню. Когда в конце Буркова попросили представить нас, он забыл, как нас зовут...

8.

На следующий день в газете появилась небольшая заметка о блестящем выступлении студии художественного слова...

Что нужно человеку в 13—20 лет? — Любви, любви и еще раз любви. А любовь — это великая смута! Наступили, таким образом, смутные времена. Когда они немного прояснились, я оказался почему-то вне студии, молчащий и один. Было самое начало сентября, любимого моего месяца года. Студия вроде бы разваливалась. Кто-то темным дождливым вечером повел меня в народный ТЮЗ, за реку. Там принимал режиссер Стразыныш — маленький толстый бас с большими теплыми руками, покрытыми золотыми волосиками. Он напоминал еще врача ухо-горло-носа, и так же внимательно всех прослушивал. Начали репетировать «Конармию» Бабеля, было много отвлеченных этюдов...

Чего греха таить! — Я бросил Тюз через два месяца в основном только потому, что было далеко ходить. Но была и другая причина.

9.

Этой второй причиной и было то, ради чего затеян мой теперешний роман-студия ВГПИ. Тогда она только родилась. «Всё живое рождается в муке, — и деревья, и

птицы, и звуки», — сказал поэт. Но наша студия родилась довольно легко. Муки начались потом.

На Фоп пединститута пришел своей неповторимой походкой наш маэстро и сказал: «Да будет Студия». И стала Студия. Тогда он сказал: «Да будут студийцы». И пришли студийцы. И тогда он отделил свет от тьмы, и стала Студия — светом, а всё остальное — тьмой.

Впрочем, тех угрюмых молодых людей, что приходили по вечерам на студию, еще нельзя назвать собственно Студией. Только через два—три месяца, когда состав немного устоялся, появилось у Студии свое личико, а потом уже — лицо.

10.

Но, кажется, я забежал немного вперед. Предстоит еще описать главное — моих самых первых героев. Сейчас, в этот исторический момент, я ввожу в свое повествование новое действующее лицо. Я мог бы назвать его ихтиозавром, но назову проще. Знакомьтесь — Витя Лихачев. Чуть выше среднего роста, с машущей походкой, сухощавый, но медвежьей силы человек. Рядом с ним Петя (так запросто мы будем звать второго героя) выглядел дохляком.

Я же тогда некоторое время посещал одновременно и студию и Тюз. Сложные ретроспективные вычисления позволяют нам теперь назвать день рождения Студии — 7 ОКТЯБРЯ 1973 года. (Удивительное совпадение с днем советской Конституции).

Назвать достоверно остальных ветеранов я затрудняюсь, но, кажется, это были — девочка с римским профилем, строго-смешливая девочка и Рита Ахметова. По крайней мере, в первый бой вступили и они.

11.

Многие факты первых шагов Студии покрыты туманом времени, говоря без метафор — забылись. Но помню, что первую композицию составили стихи Есенина. Кстати говоря, с этим поэтом мы не расстались и по сей день: почти каждый новый состав, с небольшими изменениями и прозаическими вставками, готовит такую композицию и выступает с нею. Теоретиком первого ее варианта был Валерий Андреевич, а главным моральным вдохновителем — Витя Лихачев, большой знаток творчества Есенина.

Петя (вообще яркий оригинал) в самый первый свой приход отколол такую штуку: когда В. А. стал всех прослушивать, Петя читать отказался, а вместо этого принес пленку с записью стихов того же Есенина в своем исполнении. Шеф хмыкнул, разразился длинной тирадой, и стал слушать.

Репетировали мы Есенина долго. Итогом первых месяцев существования Студии были гастролы по студенческим общежитиям, клубам и больницам нашего города.

12.

Правда, было еще одно немаловажное событие в нашей общей жизни — Бурков отпустил бороду. С тех пор рост бороды попал в прямопропорциональную зависимость с ростом Студии, с укреплением ее могущества и влияния. Поглаживая ее (бороду), шеф раздавал нам первый репертуар.

Так вот о репертуаре... Римляночка читала в основном стихи из цикла «Персидские мотивы», Рита Ахметова была сильна в разных планах, строго-смешливая девушка чи-

тала самые звонкие стихи Есенина, Вите досталась кабацкая стихия, мне — «Собака Качалова», «Мы теперь уходим понемногу...» и нек. др.

Не помню, что читал Петя, но знаю, что часто, закинув ногу на ногу и персбивая режиссера, он давал нам по ходу репетиций ценные указания.

Важной задачей Буркова было — отучить нас от манеры школьного декламирования, от так называемого чтения с выражением, при котором стих интонируется искусственно, а душа перешла в мимику.

13.

Клянусь больше не лстить человеку с бородой, не отводить для него так много строк этого повествования! Не знаю только, получится ли это?..

Совместные выступления, закулисные ожидания рождают небывалое братство, неповторимый артистический союз. И я, видимо, не мог бы написать этого романа, если бы не чувствовал глубокой признательности всем товарищам по сцене за то, что пережил однажды и продолжаю переживать это братское чувство. «Героев своих надо любить, — говорил М. Булгаков. — Если этого не будет, не советую никому браться за перо».

Есть еще одна любовь, — любовь зрителей к артистам. Точнее, всякая реакция зала, оценка труда режиссера и актерского мастерства. Сдержанные или бурные аплодисменты, корзины с цветами или гнетущая тишина в полутемном зале... Любая реакция зала (я смею это утверждать), даже простое наличие зрителей, слушателей уже сплавливает артистов, рождает особый дух самоотдачи, любовь к партнеру, режиссеру, осветителю и ко всем людям на земле.

14.

Волосы у нее были гладкие, но их светлый блеск, почти античные черты лица девушки, заставляли видеть эти волосы чуть выющимися. Признаться, когда я впервые увидел и услышал ее, мысленно окрестив «римляночкой», то не поверил, что она может читать хорошо. Сдержанность, даже некая сухость, или вдруг ничем не оправданный и неподкрепляемый пафос... А главное, — какая-то скованность, отсутствие внутренней свободы в почерке ее голоса...

Но прошли месяцы работы, наши глаза и уши привыкли к ней, поверили в ее манеру. Остальное доделали «Персидские мотивы», их лирическая мощь, их чувственная раскованность.

Никогда я не был на Босфоре!.. Жаль, что она вышла замуж. Вернее, жаль, что она покинула нас. Как говорит шеф, — всё кончается свадьбой. Хотя, конечно, с этим можно спорить. История древнего Рима знает и другие примеры.

О, новые герои мои, придите в мирные объятья этих страниц! Мы ждем вас!

15.

Герои героями, но я, разбойник, умудрился ни разу еще не упомянуть о Владимире Яхонтове, человеке, который реальным своим существованием дает нам (и многим) зримое представление о таком туманном искусстве, как искусство художественного слова.

Его голос, чтение (по пластинкам) дает больше, чем десяток теоретических книг, и не меньше, чем режиссеры.

Когда он читает «Моцарта и Сальери», «Ты запой мне ту песню...», «Бориса Годунова», «Цветы мне говорят прощай...», «Слышали ль вы...», «Памятник», понима-

ешь, что можно прочесть по-другому, но прочесть лучше — нельзя, невозможно. Никогда не дробя произведение на выразительные детали, он всегда выигрывает в целом, то есть в главном. (Он покончил с собой в 1945 году, а только сейчас наиболее проницательные литературоведы поняли, что поэтическое произведение надо воспринимать только в целом!)

Яхонтов никогда не фальшивит. Его чувственный и словесный вкус поразителен.

И когда мы говорим о чтецком искусстве, в первую очередь всплывает в памяти образ этого удивительного человека.

16.

О недостатках авторского чтения и актерского, видимо, нет нужды говорить подробно. Актеры по сей день читают так, как будто Яхонтова до них и не существовало!..

А между тем, наша Студия делала новый шаг и принимала новых людей. Поэтический спектакль по стихам А. Вознесенского уже светился в темноте белыми телами свечек. Петя под действием таких репетиций стал мистиком не только на сцене, но и в жизни. Он стал часто гадать на картах; проходя по пустому залу, что-то бормотал про себя, иногда останавливаясь и взмахивая руками. Наверно, даже во сне он причитал и репетировал.

Из новых студийцев я не смогу, конечно, описать всех. Пусть всех пришедших девушек объединит собирательный образ лукавой девочки. А вечно прихрамывающий молодой человек пришел, кажется, несколько позже. Кстати, проблема мужского состава постоянно терзала тогда Студию. Мы, имеющиеся в наличии мальчики, читали и репетировали тогда так много, что у меня, например, все время сохли губы. Это было уже как болезнь, и выручила меня только бесцветная губная помада...

17.

Спектакль по Вознесенскому зрители принимали хорошо, мы показали его несколько раз на большой сцене 3-го здания и даже в тесном коридоре общежития на Мальцева.

Начинался юбилейный Пушкинский 1974-й год и параллельно мы готовили пушкинский вечер в институте. Запомнилось то, что мне не хватало сил физических читать «Бесы», и после каждой репетиции хотелось от него отказаться... Но как-то всё перемешалось в памяти — оба спектакля, все даты и герои:

Колокола, гудошники...

Звон, Звон...

Вам, художники

всех времен!..

Сидя с Бурковым на корточках, мы читали:

Полу-милорд, полу-купец,

Полу-мудрец, полу-невежда...

Петя почему-то всегда принимал это на свой адрес, и всякий раз страшно обижался.

Мы читали по одному, парами, троичками, хором. Искали в то время первые приемы массового чтения стихов на сцене, расположения самих исполнителей, бутафорские средства выразительности и т. д.

18.

Самые большие успехи делала в то время, пожалуй, Рита Ахметова. Когда мы затем коснулись Н. Рубцова, талант ее созрел окончательно (если возможно такое словосоче-

тание), и стихи в ее исполнении звучали, как голос самой природы, самого народа, и не принадлежал вроде бы ни автору, ни чтецу. Это было тем самым самозабвением, которого от нас всегда требовал режиссер, когда говорил, что читать надо «на разрыв аорты». Это определение чтецкого дела мало походит на теорию, но мне кажется, что именно это и отличает школу Буркова от ученического декламирования, от академизма некоторых столичных чтецов и тем более от актерского чтения.

А сами эти слова взяты из стихотворения Осипа Мандельштама:

*... Утешь меня Шопеном чалым,
Серьезным Брамсом, нет, постой,
Парижем мощно-одичалым,
Мучным и потным карнавалом,
Иль брагой Вены молодой...
... Играй же на разрыв аорты!..*

19.

Солнце уже заходило к тому времени, когда мы обычно начинали репетиции, и поэтому нас с полным правом можно назвать совами или кротами. Но взамен главному светилу загоралось солнце поэтическое.

Яков Полонский писал: «Трудиться над стихом — для поэта то же, что и трудиться над душой своей». Верно и обратное утверждение: доводить до изыщества свое переживание — для поэта то же самое, что трудиться над стихом. В такой «доводке» есть и свои опасности, но я утверждаю, что чтение вслух, как и поэтическое творчество воспитывает культуру чувств, духовность в высшем смысле этого слова.

Вот такими размышлениями я хотел предварить рассказ о двух следующих поэтических спектаклях нашей Студии — «Трагедия Чили» и «Дама трэф». Где-то в промежутке между ними к нам пришло второе поколение студийцев, среди которого назову хотя бы пока двоих — Нину Огурцову и симпатичную девочку с древней русской фамилией.

20.

За мной еще один долг — рассказать о тех студийцах, кто пишут стихи. Но это потом...

Когда мы готовили «Трагедию Чили», нашим негласным лидером стала лукавая девочка, неожиданно оттеснив с этого поста Петю. И тот, вместо того, чтобы с горя запить (он вообще не пил, не курил, не брился и, кажется, не мылся), взял и влюбился в нее. Так что у нас одновременно происходили две трагедии. Если говорить о чилийской, то на мой взгляд это лучшая наша работа за все годы существования Студии. Разумеется, я оставляю за собой выгодное право ошибаться. Но этот спектакль родился именно в Студии (в отличие от инсценировок), он закономерно перерос обычную композицию, и требовал именно полудраматического выражения, он был во многих своих деталях импровизацией. И мы еще не успели износить такие художественные приемы и изобразительные средства, как хоровое чтение, монтаж текстов, музыкальных отрывков, горящие свечи, колокольный звон, условность оформления и костюмов. От этого спектакля осталась атмосфера всеобщего творческого поиска, этот спектакль утвердил путь, по которому студия следовала далее несколько лет.

(Продолжение следует)

Александра АВЕРКИЕВА

ПАМЯТИ ХУДОЖНИЦЫ

С художницей Александрой Сергеевной Аверкиевой (1903—1988 гг.) меня связывали долгие годы переписки, еще с того времени, когда она жила в далеком уральском городке Сатка, Челябинской области.

В основном в письмах мы касались темы книжных знаков, а художником она была великолепным.

В первом томе «Библиографического Словаря Художников СССР» о вологодской художнице говорится, что она за панно «У Лукоморья», и «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» премирована на Всемирной Парижской выставке. Это было в 1937 году. А вообще участие А. Аверкиевой в художественных выставках началось еще раньше, в 1920 году.

В то время Александра Сергеевна училась в Краснодарской школе живописи. В 1933—1938 гг. она – художник Вологодского кружевного Союза. Кроме этого пишет пейзажи и натюрморты маслом, акварелью, выполняет мозаики.

В 60-е годы художницу увлекла графика малых форм – книжные знаки. Работая черной тушью в манере точечной пуантили, она добилась такого превосходного рисунка, на котором черно-белое кружево полутеней переходит в выразительную гамму. Ее любимая тема в экслибрисах – «Пушкиниана». Она создала за свою жизнь около 800 книжных миниатюр, 90 экслибрисов были посвящены пушкинской теме, перед нами проходит целая галерея и мир героев поэм, стихов, сказок Пушкина – здесь «Евгений Онегин» и «Татьяна Ларина», «Дубровский», «Царь Кошэй», «Баба Яга» и др.

Книжные знаки на пушкинскую тему этой художницы находятся в постоянной экспозиции Пушкинского заповедника в с. Михайловском, в музее-квартире Пушкина на Мойке в Петербурге.

Она посвящает свои маленькие шедевры таким русским писателям и поэтам, как М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой, С. А. Есенин, А. А. Фадеев, П. Бажов и многим другим.

В последние годы жизни автору этих строк она писала в письмах: «Сейчас занималась зарисовкой с натуры старинных архитектурных строений Вологды, представляющих собой историческую и художественную ценность. Работа эта очень кропотливая. Необходимо зарисовать каждый выступ, каждый кирпичик. А взять «кружева» деревянных построек... Ведь в Вологде таких домов и построек очень много. Надо все успеть!»

Так случилось, что письма этой доброй женщины и прекрасного художника в моем архиве не сохранились, но память о ней, запечатленная в ее холстах, станковых листах и книжных знаках, сохранится на долгие годы.

Вячеслав Меркулов

На рисунках: экслибрисы А. С. Аверкиевой (г. Вологда)

А. С. АВЕРКНЕВОЙ

А ДЕВУШКЕ В СЕМИНАЦЫХ ЛЕТ
КАКОЯ ШОЛКА НЕ ПРИСНЕТЕ?
А. С. АВЕРКНЕВ

Б. Б. МЕРКУЛОВА

А. С. АВЕРКНЕВОЙ

EX LIBRIS

В. МЕРКУЛОВА

EX LIBRIS

6 июня
день рождения
А. С. Пушкина

В. В. Меркулова

EX LIBRIS

В. МЕРКУЛОВА

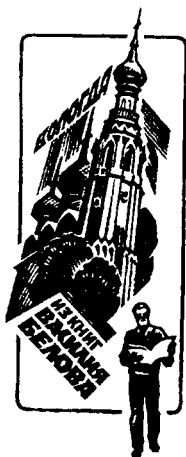

Виктор КУНТАШЕВ

Недавно получили мы печальную весть — в Бокситогорске скончался художник, журналист Виктор Иванович Кунташев (1946—2002 гг.)

В свое время Виктор Кунташев окончил филфак Вологодского пединститута, работал в школах, а в последние годы жил и работал в Ленинградской области. Многие вологжане знали Виктора Ивановича по его прекрасным экслибрисам. Книжные знаки художника хранятся во многих частных собраниях, они экспонировались во Франции, Канаде, Италии, Швеции, Польше, Японии... Показываем сегодня несколько экслибрисов работы Виктора Кунташева и выражаем соболезнование его родным и близким. Все мы потеряли прекрасного человека — доброго, талантливого, честного.

В. Б.

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

17

Обществ. совет: А. А. Грязев, В. С. Белков, Ю. П. Малоземов,
Ю. М. Максин, А. А. Попехонов, А. П. Смолин, М. А. Полётова,
М. А. Григорьев, Н. Т. Бушенев, В. В. Попова, Н. Б. Шилова

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции
Перепечатка статей, стихов или их фрагментов только с разрешения редакции

Сдано в набор 26.04.2002. Подп. в печать 4.05.2002
Заказ №453

Вологда
2002

